

БЭЗИЛ
ЛИДДЕЛ
ХАРТ

СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ

ПОБЕДИТЕЛЬ
ГАННИБАЛА

АСТ-ОСКАР-ТАУ

Генри Бэзил Лиддел Гарт Сципион Африканский. Победитель Ганнибала

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613845

Сципион Африканский. Победитель Ганнибала: Центрполиграф; М.;

2003

ISBN 5-9524-0551-7

Аннотация

В книге Б. Лиддела Харта с неожиданной точки зрения повествуется о жизненном пути великого стратега, политика и дипломата Публия Корнелия Сципиона Африканского, разгромившего непобедимого карфагенского полководца Ганнибала, который дал клятву быть непримиримым врагом Рима и остался верным ей до последнего вздоха. Автор раскрывает недооцененный историками образ римского патриция, преданно служившего интересам Республики, сравнивая его с самыми выдающимися теоретиками и практиками военного дела.

Содержание

Введение	4
Глава 1	10
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Бэзил Лиддел Харт Сципион Африканский. Победитель Ганнибала

Введение

Дорога к краху есть дорога к славе – в этом, по-видимому, должен состоять итог оценки величайших деятелей мировой истории в потомстве. Вспышка метеора поражает человеческое воображение сильнее, чем отдаленный блеск звезды, неподвижно сияющей высоко в небесах. Быть может, внезапное низвержение к земле, неземной блеск, гаснущий в земной пыли, придает метеору, открывая его осязаемость и конечность, большую привлекательность для людей? И у светил небосклона человеческой истории, при условии, что финальное падение сопровождается драматической нотой, память об ослепительной катастрофе затмевает память о долгосрочных успехах. Возможно также, что завершенность пути героя придает уникальную важность великому падению, яснее очерчивая его труды, – тогда как человек, дела которого увенчивались неизменным успехом, строит ступени, по которым другие могут подняться еще выше, и потому сплавляет свою собственную славу со славой своих наследников.

Эта теория находит множество подтверждений – по крайней мере, в истории войн. Память о Наполеоне или Роберте Ли сохраняется благоговейно в сотнях драм, романов и мемуаров. Веллингтон и Грант между тем почти забыты писателями тех самых наций, которые они провели через опасности невредимыми и победоносными. Возможно, даже Линкольна спасла от пелены забвения только пуля убийцы, а Нельсона – смерть в час победы, трагедия, пробуждающая эмоции и спасающая от позорно успешного завершения карьеры. Кажется вероятным, что столетие спустя Людендорф будет прославляться в качестве героя мировой войны, в то время как имя Фоша погрузится в забвение. Признаки тенденции к возвышению побежденных уже налицо.

Чтобы обеспечить себе прочную репутацию, человек действия должен вызывать к эмоциям, а не просто к мыслям. А поскольку после смерти человек не может сам влиять на эмоции потомства, трогательный факт финального драматического падения обретает существенную роль. Похоже, что это справедливо для всех областей человеческой деятельности. Отважная, но тщетная попытка Скотта достичь Южного полюса живет в памяти людей, тогда как успешные предприятия Амундсена и Пири тускнеют. Можно привести примеры и из области спорта.

Вину за иррациональность и сентиментальность подобных приговоров принято возлагать на современную журналистику, однако самый поверхностный исторический обзор

покажет, что происхождение их теряется во мраке времен. На историка, которого подготовка и мировоззрение особо обязывают доверять разуму, падает главная ответственность за эту вечную тенденцию к прославлению драматических провалов за счет устойчивых достижений. Древняя история подтверждает тут историю современного мира, и нет тому примера более поразительного, чем жизнь Сципиона Африканского, – предмет этого краткого исследования, которое является попыткой восстановить исторический баланс, бросив дополнительный вес знаний и военных оценок на чашу Сципиона и не принижая, как это обычно делается, его соперников.

Принижение Сципиона шло постепенно и неуклонно под давлением историков, стремившихся увеличить славу Ганнибала. Это тем более неразумно и тем менее простительно, что по этому вопросу присутствует масса противоречащих друг другу источников и мнений современников. Надежные данные, на которых можно базировать исследование и суждение, практически ограничены трудами Полибия и Ливия да немногими местами у других, явно менее достоверных древних авторитетов. Из двух упомянутых авторов Полибий, более ранний, был почти современником событий и другом Гая Лелия, постоянного помощника Сципиона, от которого мог получать свидетельства и оценки из первых рук. В распоряжении Полибия были семейные архивы Сципионов, и он побывал на полях сражений, когда многие их участники

были еще живы. Таким образом, он имел почти уникальную базу для формирования своих оценок.

Далее, поскольку Полибий был греком, его труднее, чем Ливия, заподозрить в том, что его взгляды окрашены римской патриотической предубежденностью. В то же время современная историческая критика единодушно отдает должное его беспристрастности, тщательности исследований и здравомыслию критического взгляда.

Вердикт Полибия ясен. Его факты еще яснее.

Правда, суждения римлян о Сципионе в последующих поколениях расходятся; но Полибий объясняет причины этого настолько убедительно, а достоверность этих причин так прочно установлена известными фактами, касающимися стратегических и тактических планов полководца, что современным историкам не остается ни малейшего повода приписывать удаче то, что древние в суеверии своем приписывали помощи богов.

«Тот факт, что он был едва ли не самым знаменитым человеком всех времен, заставляет каждого стремиться узнать, что он был за человек и каковы были природный дар и подготовка, которые позволили ему совершить такое множество великих деяний. Но никто не может избежать ошибок и не приобрести о нем неверное впечатление, ибо оценки людей, оставивших нам свои мнения о нем, очень далеки от истины». «...Они представляют его как баловня фортуны... такие люди, по их мнению, более божественны и более заслу-

живают восхищения, чем те, которые всегда действуют опираясь на расчет. Они не сознают, что один человек заслуживает хвалы, а другие — только поздравлений, будучи сродни рядовым людям, в то время как то, что достойно похвалы, принадлежит только людям разумного суждения и больших умственных способностей, которых мы и должны считать самыми близкими к божеству и любимцами богов. Мне кажется, что по характеру и принципам Сципион сильно напоминает Ликурга, лакедемонского законодателя. Ибо мы не должны предполагать, что Ликург составил конституцию Спарты под влиянием суеверия и подталкиваемый исключительно Пифией или что Сципион завоевал для своей страны такую империю, следуя полученным во сне откровениям и предзнаменованиям. Но, поскольку оба они видели, что большинство людей не готовы принять мысли, незнакомые им, или пойти на большой риск без надежды на божественную помощь, Ликург сделал свою систему более приемлемой и вдохновляющей, призвав оракулы Пифии на помощь проекту, которым он был обязан единственно себе, в то время как Сципион придавал людям под своей командой больше энергии и готовности к опасным предприятиям, возбуждая в них веру, что его замыслы вдохновлены божеством. Но то, что он неизменно действовал опираясь на расчет и предвидение, а успешные результаты его планов были всегда в согласии с рациональными ожиданиями, будет в дальнейшем очевидным».

Для сегодняшней мысли такое объяснение представляется не только вероятным по сути, но и дает ключ к пониманию человека, обязанного своими триумфами – военными, политическими или дипломатическими – прежде всего глубочайшему проникновению в психологию людей. Более того, Сципион применял этот дар, как дирижер великого оркестра, к достижению мировой гармонии. Проводя свою политику от войны к миру, он действительно достигал согласованности, которая полностью соответствовала музыкальному определению: «комбинация, которая и своей... гладкостью, и своим логическим происхождением, и целью в плане может сформировать точку гармонии». Как дирижер человеческого оркестра, он имел, однако, две слабости: одну врожденную, а другую – развившуюся с годами. Он не мог воспринимать низких нот – узости и низости, до которых люди могут опускаться, и возвышенность духа, рожденная из его власти над людьми, помешала ему различить первые ноты дисгармонии, которая должна была испортить славную симфонию, уже почти законченную.

Глава 1

Рассвет

Публий Корнелий Сципион был рожден в Риме в году 517-м от основания города и, стало быть, в 235 г. до н. э. Хоть он и принадлежал к одному из самых прославленных и древних семейств – Корнелиям, – ни строчки, ни даже анекдота не дошло до нас о его детстве и годах учения. В самом деле, до момента, когда он был избран, благодаря стечению обстоятельств и своей собственной инициативе, командующим армией в Испании, история дает нам не более чем случайные беглые упоминания о его пути. Но и эти скудные и краткие сведения значительны. Первое относится к битве при Тицине, первому столкновению Ганнибала с римскими войсками на итальянской земле после знаменитого перехода через Альпы. Здесь юный Сципион, семнадцатилетний паренек, сопровождал своего отца, римского командующего. Если в своей первой битве Сципион оказался среди побежденных, то он, по крайней мере, вышел из нее с завидным отличием. Расскажем эту историю словами Полибия: «Его отец поставил под его команду отборный отряд конницы (в резерве на небольшом холме), чтобы обеспечить его безопасность, но, когда он заметил своего отца в гуще битвы, всего с двумя или тремя всадниками, окруженного врагами и опасно ра-

ненного, он сперва попытался повести за собой на выручку тех, что были с ним; когда же они временно замешкались из-за множества врагов вокруг них, он, как говорят, с отчаянной смелостью атаковал окружающих врагов один. Остальные были теперь вынуждены поддержать атаку, уstraшенные враги бежали, и Публий Сципион-старший, так неожиданно спасенный, первым приветствовал сына как своего избавителя». Говорят, консул приказал наградить сына боевым отличием, аналогичным нынешним крестам за храбрость, но сын отказался, заметив, что «деяние само содержит в себе награду». Подвиг делает честь отваге юного Сципиона, но результат, как подчеркнуто Полибием, делает еще большую честь его психологическому чутью. «Завоевав этим подвигом общепризнанную репутацию храбреца, он в дальнейшем избегал подвергать себя опасности без достаточной причины, когда страна надеялась на него или зависела от его успехов, — поведение, характерное не для командира, полагающегося на удачу, а для мужа, одаренного высоким и тонким разумом».

Для людей нынешнего поколения, имеющих личный военный опыт, этот пункт может иметь большее значение, чем для кабинетных историков. Для первых командующий, который пытается заменить батальонного командира, бросаясь в битву и пренебрегая своими собственными руководящими обязанностями, вовсе не является той героической и вдохновенной фигурой, какой он представляется людям штат-

ским. Для некоторых воинов, не относящихся к числу любителей опасности ради нее самой – такие люди редки в любой армии, – этот пункт зацепит в памяти струнку, напомнив, как моральное влияние на своих людей, которое дается одним подобным подвигом, позволяло впоследствии принимать личные предосторожности, которые больше подходят офицеру, которому доверены жизни других. Пусть дома штатские обливают презрением германского офицера, «ведущего» своих людей в бой, оставаясь позади. Солдат-фронтовик думает иначе, ибо знает, что, когда потребовало дело, его офицер не поколебался рискнуть, бросить на кон свою жизнь, подавая пример. Еще живет история о германском офицере, который возглавил отчаянную атаку верхом на белом коне.

Подвиг, слава и популярность, которые он принес, так благоприятно начали военную карьеру Сципиона, что принесли с собой быстрое продвижение по службе. Спустя менее двух лет, в 216 г. до н. э., Ливии говорит о нем как об одном из военных трибунов, из числа которых назначали командиров легионов. Да и сам по себе этот пост означал одного из заместителей командира легиона или офицера его штаба. Если нужна параллель, ближайшим современным эквивалентом будет штабной полковник.

Это второе упоминание о Сципионе возникает накануне Канн, самого черного часа в истории Рима. Любопытно, что будущий генерал, который, как Мальборо, никогда не вел

битв, в которых не выигрывал, оказался, будучи подчиненным офицером, среди беспомощных свидетелей катастрофы. Свидетельств об участии Сципиона в битве не сохранилось, но из отчета Ливия кажется ясным, что он был среди десяти тысяч уцелевших, которые бежали в больший римский лагерь за рекой Ауфид, и, далее, среди тех четырех тысяч бесстрашных, которые, вместо того чтобы сдаться вместе со своими товарищами, покинули лагерь после наступления темноты и, обойдя карфагенскую конницу, проложили себе путь в Канузий. Положение их оставалось опасным, ибо городок находился всего в четырех милях от карфагенских сил, и почему Ганнибал не увенчал свою победу уничтожением этого остатка, отрезанного от всякой помощи, остается одной из исторических загадок и явным пятном на его полководческом искусстве.

С четырьмя тысячами в Канузии были четверо военных трибунов и, как говорит нам Ливий, «с согласия всех высшее командование было доверено Публию Сципиону, тогда еще очень молодому человеку, и Аппию Клавдию». Еще раз имя Сципиона блестит во тьме поражения, еще раз момент общей катастрофы означает шанс для юноши, имеющего характер. Войска под угрозой раскола, если не мятежа. Люди говорят, что, по общему мнению, Рим обречен, что некоторые из молодых патрициев, во главе с Луцием Цецилием Метеллом, предлагают бросить Рим на произвол судьбы и бежать за море искать службы у какого-нибудь чужеземного

царя. Эти свежие дурные вести приводят в смятение, почти парализуют собравшихся вождей. Но в то время как другие настаивают на том, чтобы собрать совет и обсудить положение, Сципион действует. Он заявляет, «что это не предмет для обсуждения и выбора; мужество и действия, а не обсуждения, необходимы при таком бедствии. Далее, что те, кто думает о безопасности республики, останутся с ним во всеоружии до конца и что поистине лагерем врага является место, где замышляют подобное». Затем, лишь с немногими товарищами, он идет прямо к Метеллу, застав заговорщиков за совещанием. Обнажив меч, Сципион провозглашает свою цель: «Я клянусь, что не брошу дело Рима и не позволю ни одному гражданину Рима бросить его. Если я умышленно нарушу эту клятву, пусть Юпитер поразит ужасной карой мой дом, мою семью, мое состояние. Я настаиваю, чтобы ты, Луций Цецилий, и остальные, присутствующие здесь, дали такую же клятву; и пусть тот, кто колеблется, будет уверен, что этот меч обнажен против него». В результате они, «устрашенные, как перед победоносным Ганнибалом, все дали клятву и сдались Сципиону, чтобы их взяли под стражу».

Подавив эту опасность, Сципион и Аппий, прослышав, что Варрон, уцелевший консул, достиг Венузии, послали туда вестника, отдаваясь под его команду.

Следующее краткое появление Сципиона на исторической сцене происходит в иной обстановке. Его старший брат

Луций был кандидатом в эдилы¹, и Публий-младший «длгое время не пытался домогаться той же должности, что и брат. Но при приближении выборов, заключив по настроению народа, что его брат имеет слабые шансы на избрание, и видя, что он сам был чрезвычайно популярен, он пришел к выводу, что единственное средство, которым его брат может достичь своей цели, было бы заключить им между собой соглашение и обоим сделать попытку. Он придумал следующий план. Видя, что его мать посещает различные храмы и приносит жертвы богам за его брата и вообще очень озабочена результатом, он рассказал ей, что дважды видел один и тот же сон. Ему снилось, что и он, и его брат – оба были выбраны в эдилы и возвращались с Форума домой, где она встретила их обоих на пороге и, обняв, расцеловала их. Она, как женщина, была взволнована рассказом и воскликнула: «Увижу ли я такой день!» – или что-то в этом роде. «Тогда ты хочешь, чтобы мы попробовали, мама?» – спросил он. Получив ее согласие – он был так молод, что она совсем не думала об этом всерьез, приняв все за шутку, – он сразу же попросил ее приготовить ему белую тогу, которую по обычаю носили кандидаты. Ее согласие полностью вылетело у нее из головы. Сципион, получив тогу, отправился на Форум, пока мать еще спала. Народ, очарованный неожиданным зре-

¹ Эдилы стояли на первой ступени лестницы, ведущей к высшей магистратуре. Их функцией были «внутренние дела» – забота о городе и проведение в жизнь правил распорядка, надзор за рынками, ценами, мерами и весами, организация публичных игр и руководство ими.

лицем, принял популярного юного патриция с энтузиазмом, и, когда он встал рядом с братом на месте, предназначенном для кандидатов, люди не только отдали должность ему, но, ради него, и его брату. Так что оба явились домой новоизбранными эдилами. Когда новости достигли ушей матери, она, полная радости, встретила их у дверей и обняла от всего сердца. В этих обстоятельствах все, кто слышал о снах, поверили, что Публий общается с богами не только во сне, но и наяву, средь бела дня».

«Конечно, сон тут был ни при чем; но, поскольку он был добр, щедр и приятен в обращении, он рассчитывал на свою популярность в народе, и, умно приспособляя свои действия к чувствам людей и своей матери, он не только достиг своей цели, но и заставил поверить, что он действовал под влиянием божественного вдохновения. Ибо те, кто не способен разглядеть подлинные возможности, причины и намерения, приписывают богам и фортуне то, что достигнуто умом, расчетом и предвидением».

Для некоторых обман, даже ради достойных целей, может показаться несовместимым с возвышенными римскими добродетелями; и Ливии, которому, как римлянину, искусная проделка кажется не столь восхитительной, как греку Полибию, оставляет под сомнением происхождение этой сципионовской привычки, развившейся в его последующей карьере либо под влиянием разумного расчета, либо по причине ее успеха. Вот оценка Ливия: «Сципион, несомненно, владел

паразитическими дарами; но, кроме того, он с детства изучал искусство их эффективного использования. Имелась ли некоторая склонность к суеверию в его собственном характере, или он хотел подкрепить свои приказы авторитетом божеств, но он редко говорил публично, не ссылаясь на некое ночное видение или сверхъестественное внушение». Ливии, возможно, преувеличивает то, как часто Сципион прибегал к этому приему, ибо он писал значительно позже, а вокруг великих вырастают легенды. В документированных случаях Сципион прибегает к этому приему лишь изредка, и, будучи великим мастером в деле управления человеческой натурой, он должен был понимать ценность сбережения его для критических моментов.

Ливии продолжает: «Чтобы приучить к этому общественное мнение, он ввел себе в обычай со дня, когда достиг возраста мужества, никогда не начинать никакого дела, общественного или частного, не посетив сперва Капитолий. Там он входил в святилище и проводил там некоторое время в одиночестве. Эта привычка... порождала веру, подкрепляемую случайно или намеренно, что его происхождение было не совсем человеческим. Когда-то многие верили, что отцом Александра Великого был огромный змей, которого часто видели в комнате его матери, но перед появлением людей он исчезал. Это чудо рассказывали также о Сципионе... но он никогда не смеялся над этим; он скорее подтверждал его, никогда не опровергая эти рассказы, но и никогда открыто

не утверждая их истинность». Эту последнюю легенду, кстати, повторили несколько древних авторов и сохранил Мильтон в «Потерянном Рае»:

Он был с Олимпией и с той, что носила
Сципиона, светоча Рима.

Мнение о том, что претензии на божественное вдохновение имели религиозную основу, а не простой интеллектуальный расчет, находит подтверждение в поведении Сципиона во время сирийской войны 190 г. до н. э., когда он по причине того, что являлся членом коллегии жрецов Марса, известных как Салии, косвенным путем задержал армию перед Геллеспонтом, поскольку правило коллегии обязывало его оставаться на месте до конца месяца.

Здесь опять-таки современные психологи могут предположить, что его сны были подлинными, а не вымышленными, ибо известно, что власть сильного желания осуществляется во снах. Каковы бы ни были объяснение и источник его «видений», не может быть сомнений в мастерстве, с которым он извлекал из них практическую пользу. И наивысшей моральной похвалой Сципиону было то, что власть эта употреблялась им исключительно на благо его родины и никогда – в личных интересах. Когда в позднейшие дни пришел черед трудностей и обвинений, когда неблагодарное государство забыло своего спасителя, Сципион не вызвал ни одного бо-

жественного видения в свою защиту. Тот факт, что он воздержался от этого, тем более значителен, что в других ситуациях он показал себя виртуозным мастером, использующим человеческую психику, как инструмент.

Победа на выборах в эдилы имеет историческую важность не только потому, что она освещает источники успеха Сципиона и его влияния на людей, но и поскольку она бросает свет на причины его политического заката, добровольного изгнания из неблагодарной страны, которая смотрела, как чудесная, блистательная карьера заканчивается в тени. Ливии показывает, что его выборы, несмотря на рассказ Полибия, из которого можно заключить обратное, прошли не без противодействия; что народные трибуны противостояли претензиям Сципиона на должность, ибо он не достиг еще законного для кандидатов возраста. На это Сципион возражал, что «если граждане вообще желают назначить меня эдилом, значит, я достаточно стар». Призыв к народу через головы трибунов дал мгновенный успех, но триумфальное отрицание традиций и правил, вероятно, добавило обиду к той ревности, которая неизбежно сопровождает преждевременный успех юности.

Глава 2

Заря

Таковы три эпизода из пролога к будущей драме карьеры Сципиона. Занавес же над ней поднимается в 210 г. до н. э., который был для Рима если и не самым черным часом в его смертной борьбе с Карфагеном, то по меньшей мере самым серым. Конфликт, в который Рим первоначально ввязался в 264 г. до н. э., был неизбежным следствием гегемонии в Италии, завоеванной благодаря сочетанию политического гения и воинского мужества, ибо эта гегемония не могла оставаться в безопасности, пока чуждая морская держава – Карфаген – правила над водами полуострова, являя собой постоянную угрозу побережью и торговле. Но когда, после многих опасностей, окончание 1-й Пунической войны в 241 г. до н. э. дало Риму безопасность на морях, мечты и амбиции Гамилькара Барки не просто оживили, но расширили масштаб борьбы между Карфагеном и Римом до уровня, когда итогом могло быть только мировое владычество или полный крах. В течение долгого промежутка, когда на поверхности соблюдался мир, этот карфагенский Бисмарк занимался психологической и материальной подготовкой удара в самое сердце римской державы, обучая своих сыновей и приверженцев воспринимать завоевание Рима как цель и ис-

пользуя Испанию как учебный полигон военной школы Баркидов и базу для будущих военных кампаний. В 218 г. до н. э. Ганнибал, перейдя через Альпы, начал вторжение в Италию, чтобы сжать урожай, семена которого посеял отец. Его победы на Тицине, на Требии, на Тразименском озере росли в масштабах, пока не достигли вершины на поле при Каннах. Если стойкость римлян, верность большинства италийских союзников и стратегическая осторожность Ганнибала выиграли для Рима передышку, то пять лет непрерывной войны так опустошили римские ресурсы и истощили силы союзников, что к 211 г. власть Рима – внутренне, если не на поверхности, – была, вероятно, ближе к окончательному надлому, чем когда-либо раньше. Машина, когда она новая и в хорошем состоянии, может выносить повторяющиеся жестокие удары, но, когда она сильно изношена, толчка может оказаться достаточно, чтобы разбить ее на куски. Такой толчок пришел, когда, пока Ганнибал вел кампанию в Южной Италии, уничтожая римские армии (хотя, по-видимому, не приближаясь к своей цели – уничтожению власти Рима), карфагенское оружие в Испании было увенчано победой, поставившей под угрозу позиции Рима на всем полуострове.

В течение нескольких лет отец и дядя Сципиона, Публий Старший и Гней, командовали римскими войсками на Иберийском полуострове, одерживая победу за победой до тех пор, пока, разделив силы, братья не были разбиты по очереди и оба пали на поле битвы. Потрепанные остатки римских

войск были загнаны на северный берег Ибера, и только отвага Марция, собравшего их воедино, помешала изгнанию римлян из Испании. Положение их оставалось опасным, ибо многие испанские племена в годину неудач бросили римлян.

Хотя решимость самого Рима оставалась, как и прежде, несокрушимой и катастрофа только подстегнула ее, выбор наследника Сципионов оказался трудной задачей. Наконец, для выборов проконсула Испании решено было созвать народное собрание. Однако никто не предлагал себя кандидатом на почетную, но опасную должность. «Народ, не зная, что делать, пришел в день выборов на Марсово поле, где увидел лица своих самых видных сограждан, которые, глядя друг на друга, горестно шептали, что дела их в ужасном состоянии, да и положение всего общества такое отчаянное, что никто не смеет принять команду в Испании. Тогда внезапно Публий Корнелий, сын Публия, павшего в Испании, двадцати четырех лет от роду, объявил себя кандидатом и занял место на возвышении, где его видели все» (Ливии). Выбор был единогласным, считая не только голоса центурий, но и всех присутствующих. «Но после того, как дело было завершено и страсть и порывистость поутихли, наступило внезапное молчание, и люди задумались про себя над тем, что же они сделали и не возобладала ли пристрастность над разумным суждением. Главным образом они сожалели о его юности; но некоторых ужасала судьба, которая постигла его дом и его имя, – ибо в то время как две семьи, к которым он

принадлежал, были в трауре, он отправлялся в провинцию, где должен был вести военные действия среди могил отца и дяди».

Понимая преобладание этих сожалений и сомнений, Сципион постарался рассеять их, созвав собрание, на котором его благоразумные аргументы способствовали восстановлению доверия. Секрет его власти над мыслями толпы, особенно в моменты кризисов, необычной в таком молодом человеке, заключался в его глубокой уверенности в себе, которая излучала силу, для которой истории о его божественной вдохновенности были только вспомогательным средством. Понятие уверенности в себе или самоуверенности часто употребляется в пренебрежительном смысле, но у Сципиона уверенность в себе не только оправдывалась результатами, но и отличалась по сути, представляя собой духовное возвышение, выраженное Авлом Геллием как «conscientia sui subnixus» – «подъем с опорой на осознание себя».

К остаткам армии в Испании было добавлено десять тысяч пехоты и тысяча конников. Взяв эти подкрепления, Сципион поднял паруса на флоте из тридцати кораблей и отплыл из устья Тибра. Следуя вдоль берега, он прошел Генуэзский залив, побережье Ривьеры и Лионский залив, высадил свои войска у самой границы Испании и отправился маршем по суше в Тарракон – современную Таррагону. Здесь он принял посольства от различных испанских союзников. Понимание морального фактора и ценности личных наблюдений

— двух жизненно важных элементов полководческого искусства — проявилось с первых же шагов. Войска противника находились на зимних квартирах и, прежде чем составлять какие-либо планы, он посетил княжества своих союзников и каждое подразделение своей армии, стремясь повсюду — более поведением, нежели словами, — восстановить уверенность и рассеять влияние прошлых поражений.

Его собственные моральные качества нигде не видны лучше, чем в его обращении с Марцием, человеком, который частично смягчил эффект римских поражений и которого честолюбивый полководец вполне мог бы рассматривать как соперника по положению и славе. Но «Марция он удержал при себе и обращался с ним с таким уважением, что было совершенно ясно, что ничего он не опасался меньше, чем того, что кто-то помешает его собственной славе». Ревность Наполеона к Моро, умышленное отодвигание в тень собственных маршалов находится в резком контрасте с поведением Сципиона. Одной из его лучших военных наград была неизменная любовь, которую чувствовали к нему подчиненные ему генералы. «Никто не герой для своего лакея», и очень немногие генералы оставались героями в глазах старших офицеров своего штаба, которые наблюдают своих начальников в интимной обстановке, когда их качества не скрыты за блестящими атрибутами власти и общественной репутации. Лояльные подчиненные будут поддерживать видимость непогрешимости ради блага армии так долго, как это необходи-

мо, но они знают человека, как он есть, и в позднейшие годы правда выходит наружу. Поэтому стоит вспомнить, что вердикт Полибия основан на непосредственных беседах с Гаем Лелием, ближайшим помощником, которому Сципион доверял свои военные планы перед операциями.

Солдат, потерпевших поражение, он не упрекал, но мастерски соединял призывы к их разуму с обращениями к их духу, напоминая им, что часто в римской истории первые поражения были предвестниками конечной победы, что восстановление баланса уже началось, что для начальных катастроф уже нашелся противовес и что в Италии и на Сицилии все идет хорошо. Затем он указывал, что карфагенские победы объясняются не превосходящим мужеством, но «предательством кельтиберов и опрометчивостью полководцев, которые позволили отрезать себя друг от друга из-за своей веры в союзников». Далее он указывал, что невыгоды их положения перешли теперь к противнику: карфагенские армии разбросаны на большом расстоянии друг от друга, их союзники отчуждены бестактностью и тиранией, и, самое главное, личная вражда между командирами помешает им быстро прийти на помощь друг другу. Наконец, он возбудил энтузиазм солдат, коснувшись их любви к погибшим вождям. «Как вы можете увидеть сходство с отцом и дядей в моем лице, чертах и фигуре, так я восстанавливаю их гений, честь и мужество – так, что каждый из вас скажет, что его командир Сципион либо вернулся к жизни, либо родился снова».

Его первым шагом было восстановление и укрепление уверенности в себе в собственных войсках и войсках союзников, следующим – атака на самоуверенность врагов, нацеленная не на плоть их, но на их моральную ахиллесову пяту. Его острое стратегическое чутье – в дни, когда стратегия, отличная от тактики в бою, можно сказать, еще не родилась, – заставило его понять, что Испания была подлинным ключом к исходу всей великой борьбы. Испания была реальной операционной базой Ганнибала; здесь он обучал свои армии и отсюда ждал подкреплений.

Первый шаг Сципиона демонстрировал применение понимания моральной цели к Испанскому театру военных действий. В то время как его убеждали напасть на одну из карфагенских армий, он решил ударить по их базе, по их «дороге жизни». Вначале он сосредоточил все свои войска в одном месте, оставив один маленький, но компактный отряд в 3 тыс. пехотинцев и 300 конников под командой Марка Силана, чтобы обезопасить собственную операционную базу в Тарраконе. Затем со всеми остальными (25 тыс. пехоты и 2500 конницы) – поистине экономия сил – он перешел Ибер (совр. Эбро), «никому ничего не говоря о своих планах». «На самом деле у него и в мыслях не было делать что-либо из того, о чем он говорил перед войсками; внезапным нападением он решил взять город», именуемый Новым Карфагеном» – современную Картахену.

Для этой цели «он дал начальнику флота Гаю Лелию тай-

ное приказание идти к названному выше городу; Лелий один был осведомлен о его плане. Сам Публий с сухопутными войсками быстро продвигался вперед». Как подчеркивает проницательный Полибий, этого юношу отличала расчетливость, ибо «он, во-первых, брал на себя ведение войны, которая... казалась народу безнадежной; во-вторых, взявшись за дело, он не думал о мерах обыкновенных, очевидных для каждого, но изобрел и решился осуществить такой план, которого не подозревали ни друзья, ни враги его».

«По прибытии в Испанию он настойчиво расспрашивал всех и каждого о положении неприятеля и узнал, что войска карфагенян разделены на три части». Магон стоял вблизи Геркулесовых столпов, т. е. у Гибралтара; Гасдрубал, сын Гискона, вблизи устья реки Таг (совр. Тахо); а Гасдрубал Барка был занят осадой какого-то города в районе современного Мадрида. Ни один из них не находился ближе к Новому Карфагену, чем на десять дней пути. Самому Сципиону, как показали события, потребовалось семь дней форсированного марша. Новости о его атаке должны были достичь противников лишь через несколько дней, и, если бы он взял город внезапным ударом, он мог бы перехватить любую помощь, а в случае неудачи «он мог, поскольку был хозяином на море, переместить свои войска в безопасное место». Далее Полибий рассказывает нам, как он еще «во время зимней стоянки занялся собиранием подробных сведений об этом городе от людей знающих». «Он узнал, что Новый Карфаген – чуть

ли не единственный город на всю Иберию с гаванями, удобными для флота и морских войск, что вместе с тем он расположен весьма удобно для карфагенян на пути из Ливии. Далее, он услышал, что в этом городе помещаются основные денежные средства карфагенян, все их военные припасы и даже заложники из целой Иберии; что Акрополь охраняется – и это самое важное – отрядом солдат всего человек в тысячу, так как при подчинении карфагенянам почти всей Иберии никому, казалось, и в голову не могло прийти произвести нападение на этот город; что остальное население города, хотя и весьма многочисленное, состоит сплошь из ремесленников, рабочих и корабельщиков, совершенно чуждых военному делу. И он счел, что это будет работать против защитников города, если он внезапно появится под стенами». Снова мы видим расчет на моральный фактор. «Поэтому на зимней стоянке он отложил в сторону все прочие дела и занялся только этим планом», но «он скрывал свое решение от всех, кроме Гая Лелия». Из рассказа видно, что Сципион владел еще двумя атрибутами полководческого искусства: способностью держать свои намерения в тайне до тех пор, пока их открытие не станет необходимым для выполнения планов, и мудростью, чтобы понять, что военный успех зависит по большей части от тщательности его подготовки.

Утверждение Полибия о том, что первый шаг Сципиона был продиктован мастерским расчетом, а не вдохновением или фортуной, находит косвенное подтверждение в ссылке

на письмо, которое Полибий видел, а прямое – в приводимой Ливией речи Сципиона к войскам перед атакой. В одной фразе выражена вся стратегическая идея: «Вы атакуете стены одного-единственного города, но в этом городе вы сделаетесь хозяевами всей Испании». Далее он подробно объясняет, как захват заложников, сокровищ и военных припасов будет обращен к их преимуществу и к невыгодам врага – военным, политическим и экономическим. Даже если приведенная Ливией фраза была пущена в оборот позже, ее интонация настолько точно согласуется с действиями Сципиона, что она звучит как подлинная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.